

В.К.Косс

A man and a woman are seated at a table in a restaurant, looking at architectural plans. The woman is wearing a dark green blouse, and the man is wearing a light blue shirt. They are both looking intently at the plans on the table. The background shows a restaurant interior with tables and chairs, and a view of a city skyline through a large window.

РАЗВОД НЕ ПОВОД ДЛЯ СВИДАНИЯ

В.К. Косс

Развод не повод для свидания

«Автор»

2026

Косс В.

Развод не повод для свидания / В. Косс — «Автор», 2026

После двадцати трех лет брака Тамара учится жить одна: не откладывать учебу, не брать чужую работу и не звонить дочери всякий раз, когда дома слишком тихо. Свадьба Ани кажется хорошим поводом заняться чем-то понятным. Нужно выбрать ресторан, посчитать расходы, рассадить гостей. Только отец жениха Вадим почему-то интересуется не одним праздничным меню. С ним Тамаре впервые за долгое время хочется задержаться после встречи и рассказать что-нибудь о себе. Они осторожничают, прячут улыбки от детей и еще не знают, как назвать то, что между ними началось. А потом Аня и Кирилл отменяют свадьбу. Теперь каждый разговор о детях грозит стать ссорой, а попытка помочь — вмешательством в чужую жизнь. Тамара уже однажды привыкла уступать, чтобы сохранить семью. Сумеет ли она остаться рядом с Вадимом, не вернувшись к этой привычке?

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место для матери	5
Глава 2. Половина шкафа	7
Глава 3. Не свадебный маршрут	9
Глава 4. Среда принадлежит мне	11
Глава 5. Что мы оплачиваем	13
Глава 6. На два билета	15
Глава 7. На расстоянии ладони	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В.К. Косс

Развод не повод для свидания

Глава 1. Место для матери

На плане свадебного зала меня посадили рядом с бывшим мужем.

Я подвинула карточку на одно место вправо. Девушка с планшетом вернула ее обратно.

— Это родительский стол, — объяснила она. — Для гармоничной картинки.

Картинка была нарисована от руки: шесть кружков вокруг прямоугольника. На бумаге между нашими именами оставалось полсантиметра. Я помнила, как Сергей еще зимой отворачивался к стене, когда я начинала говорить. Сидеть рядом весь вечер мне не хотелось.

— А если мы не сядем рядом?

— Можно поставить между вами высокую композицию.

— Тогда уж шкаф, — сказал мужчина у окна.

Аня закашлялась в салфетку. Кирилл посмотрел на отца с выражением, которое я хорошо знала по собственной дочери: пожалуйста, хотя бы сегодня веди себя нормально.

Мужчина поднялся. На нем была светлая рубашка с закатанными рукавами. У правого запястья кожа осталась белой, словно часы он снял только что.

— Вадим Корнеев. Отец жениха. Мы по телефону разговаривали.

— Тамара Зорина. Та самая женщина, которая попросила не включать фейерверк в смету.

— Я тоже просил. Нас двое.

Он пожал мне руку и отодвинул стул. Я села прежде, чем он успел придержать его. За последние месяцы я привыкла отвечать «я сама» еще до того, как мне предлагали помощь.

Аня была в желтом свитере. На манжете засохла белая краска: в музейной мастерской они готовили рамы к летней выставке. Когда дочь волновалась, она натягивала рукав на ладонь. Сейчас ладоней почти не было видно.

До восемнадцатого июля оставалось одиннадцать недель. Я уже знала стоимость живых цветов, аренды стульев и права принести собственную воду. Но впервые услышала, что на свадьбе есть места, с которых невозможно уйти, не испортив композицию.

— Сергея сегодня не будет? — спросил Кирилл.

— У него работа, — сказала Аня раньше меня.

Я взяла стакан. Вода пахла огурцом. Три месяца назад я развелась и обнаружила, что фраза «у него работа» прекрасно существует без меня: ее теперь произносила дочь.

— Мы можем рассадить родителей за разными столами, — предложил Вадим. — Нам же не вручать зачетки за хорошее поведение.

— Мне все равно, где сидеть, — сказала я.

Аня посмотрела на меня. Я услышала собственную неправду, но отступить было неудобно.

Девушка с планшетом, которую звали Полина, перешла к меню. Нам принесли по половине груши с сыром. Кирилл сфотографировал тарелку, Аня попробовала соус, а я открыла блокнот с расходами.

— Мам, давай хотя бы поедим.

— Я только уточню, почему сервисный сбор посчитан дважды.

— До конца встречи я тоже научусь это замечать, — сказал Вадим. — Пока у меня сходится только число вилок.

Я все-таки засмеялась. Смех вышел коротким, непривычным в этом помещении, где все стоило денег. Вадим улыбнулся только после меня.

За окном ресторанный работник вытряхивал на траву белую дорожку. Май был холодный. Под пиджак надела тонкий кардиган и теперь жалела, что не взяла что-нибудь теплее: батареи уже отключили. Вадим закрыл окно, не спросив, почему я потираю пальцы. Это движение я заметила охотнее, чем следовало.

— Холодная груша невкусная, — сказал он, кивнув на мою тарелку.

Я отложила ручку. Под корочкой сыр оказался теплым, а груша — плотной, не разваренной. Я вдруг поняла, что голодна. С утра выпила кофе стоя и съела кусок хлеба, пока искала Анины документы перед поездкой. Взрослая дочь собиралась замуж, а я продолжала помнить, где лежит ее паспорт.

— Вам нравится? — спросила она.

— Да.

— Я про зал.

— А я про грушу.

Кирилл рассмеялся. У него был легкий, открытый смех. Я любила в нем это — рядом с Кириллом дочь переставала заранее извиняться за собственное веселье. Мне хотелось, чтобы у них получилось. Хотелось настолько, что любую неловкость я готова была считать временной.

Полина предложила съездить на соседнюю площадку: там было дешевле и можно было отказаться от отдельных услуг. Аня с Кириллом не могли, у обоих начиналась работа. Я уже приготовилась сказать, что посмотрю сама, когда Вадим достал телефон.

— В субботу свободен до трех. Вас забрать?

— Я доеду.

— Мы ведь в одно место.

Я могла доехать сама. Но хотелось еще немного послушать его, уже без Полининого планшета и свадебной сметы. Признаться в этом даже себе было рано.

— Тогда у издательства. В десять.

Когда мы вышли, Аня обняла меня так сильно, что край блокнота уперся мне в ребра.

— Спасибо, что не спорила про папу.

Я погладила ее по спине и ничего не ответила.

Вадим стоял у ворот и застегивал куртку. Увидел нас, кивнул. Я кивнула в ответ и вспомнила, что так и не спросила, на какой машине он приедет. Написать ему можно было вечером. От этой маленькой необходимости стало хорошо.

Глава 2. Половина шкафа

Дома я сняла туфли, поставила чайник и полезла в телефон проверять счет. Потом вспомнила, что Аня просила хотя бы сегодня не считать.

До развода я проверяла счет по пятницам. Если не хватало на отпуск или крупную покупку, можно было подождать Сергеевой зарплаты. Теперь я открывала приложение каждый вечер и прикидывала, что останется после оплаты квартиры и продуктов. Я отложила на курс налогового консультирования и решила, что на свадьбу надену старое синее платье.

Аня жила у Кирилла. Иногда приезжала ночевать, оставляла косметичку и спрашивала, нормально ли мне одной. Я бодро отвечала, что прекрасно. Потом ходила мимо ее комнаты и старалась не расправлять одеяло на кровати, на которой никто не спал.

В феврале Сергей забрал книги, инструмент и кофемашину. Кофемашину он выбирал сам, и я почему-то не спорила, хотя кофе пила чаще. Половина шкафа освободилась. Я повесила туда зимнее пальто, чтобы пустота не выглядела как ожидание.

В октябре Сергей сообщил, что согласился на работу с постоянными поездками. Мне предложил заняться чем-нибудь интересным. В тот вечер я спросила, когда он вообще собирался со мной обсуждать нашу жизнь. Сергей ответил: «А что обсуждать? Ты же все равно против».

Следующие четыре месяца я пыталась объяснить, о чем спрашивала. Мы садились ужинать, я начинала, Сергей отодвигал тарелку. К февралю я уже заранее знала его ответы.

Я достала папку курса. Экзамен был назначен на двадцатое сентября, каждую среду — вечерние занятия. Первое я уже пропустила: у Ани переносили примерку. На второй странице тетради стояло одно слово «цель», дальше было чисто.

Позвонила Рита.

— Как жениховы родственники?

— Отец приехал. Нормальный.

— Это высокий уровень похвалы. Зубы есть?

— Рита.

— Я про улыбку. Ты в последнее время всех оцениваешь как подрядчиков.

Я прижала телефон плечом и стала нарезать вчерашний батон. Один ломоть упал на пол. Я подняла его и выбросила. Потом заметила, что жду возражения, хотя в кухне никого не было.

— Он предложил вместе посмотреть площадку.

— Ну и посмотрите.

— Ты слишком выразительно это сказала.

— У меня клиентка под феном, я громко говорю. Тамар, я тебе свидание не устраиваю.

Я помолчала.

— Развод не повод для свидания.

— Конечно. Для свидания вообще повод не обязателен. Но суббота у тебя пока про ступля.

После звонка я сварила яйцо, съела его у окна и записала на чистой странице: «Самостоятельная практика. Два небольших клиента к концу года». Подумала и добавила: «Не бесплатно».

В издательстве я работала двенадцать лет. Платили ровно столько, чтобы страшно было уйти, но никогда — чтобы перестать об этом думать. Марк Павлович называл меня человеком, на котором все держится. После таких похвал он обычно оставлял у меня еще одну папку. Я брала ее, и домой опять приходилось звонить, что задержусь.

В десять вечера написал Сергей: «Скинь общий бюджет свадьбы. Аня говорит, ты выбрала дорогой зал».

Я перечитала сообщение. Потом прикрепила таблицу и написала длинное объяснение: зал выбирали вместе, предварительная сумма, есть варианты. Три абзаца аккуратной защиты. Палец уже лежал над стрелкой, когда я стерла объяснение. Оставила таблицу.

Ответ пришел почти сразу: «Разберусь».

В спальне было прохладно. Я легла поперек кровати, проверяя, удобно ли это. Неудобно: ноги свисали. Пришлось вернуться на свою сторону. Я выключила свет, рассердившись на себя за то, что даже освобождение от человека хотела выполнить правильно.

Утром в телефоне ждало сообщение от Вадима: «В субботу в десять. Напишите, если планы изменятся». Ни смайлика, ни вежливого вопроса, хорошо ли я спала.

Я написала: «Планы в силе».

Потом вернулась к тетради: вчерашняя запись все еще помещалась в две строки.

Глава 3. Не свадебный маршрут

В субботу я пришла к издательству без пяти десять. Вадим ждал у серого универсала с потертым крылом. На заднем сиденье лежали резиновые сапоги и пакет с хлебом.

— Не обращайтесь внимания на хозяйство, — сказал он. — Отвозил товарища на дачу.

Я убрала сумку с учебниками под ноги.

— Вы работаете по субботам?

— Учусь. Здесь интернет лучше, чем дома.

Он посмотрел на вывеску издательства, потом на закрытую дверь.

— А выходных у интернета нет?

— У меня тоже, получается.

Мы ехали вдоль реки. На остановках продавали рассаду, у пешеходного перехода спорили двое велосипедистов. Вадим убавил радио, потом выключил совсем. Я сначала обрадовалась, потом стала придумывать разговор, чтобы молчание не выглядело претензией.

— Кирилл давно сделал предложение?

— В январе. Попросил одолжить деньги на кольцо. Я сказал, что кольцо могу купить, жениться придется ему.

— Все равно дали?

— Дал. Вы слышали, как уверенно я начал?

Я улыбнулась. Он тоже, но тут же отвлекся на поворот: у обочины стоял грузовик, и встречную машину пришлось пропустить.

Второй ресторан оказался бывшей базой отдыха. В зале пахло краской, к потолку были прикручены пластиковые ветки. Хозяйка обещала убрать их до свадьбы, а дорожку к туалету засыпать щебнем. Вадим спросил, что будет в дождь. Хозяйка рассказала, как красиво светятся гирлянды.

Я записала ответ в блокнот. Он заглянул.

— «В дождь — гирлянды», — прочитал вслух. — Полезно.

К одиннадцати мы вышли. На стоянке он открыл багажник и достал маленькую рулетку.

— Хотел проходы проверить. Уже не надо.

— Вы тоже не умеете просто приехать и порадоваться?

— Я за это зарплату получаю. Чтобы остальные радовались после проверки.

У дороги работала пекарня. Я предложила купить детям что-нибудь: Аня любила пирожки с капустой. Вадим спросил, не хотим ли мы сами есть.

— Я завтракала.

— Я тоже. Но уже снова хочу есть.

Мы сели на деревянную скамейку под навесом. Он ел горячий пирожок осторожно, придерживая салфеткой, и все равно обжегся. Мне стало легче. До этого я почему-то держала спину так, будто мы сдавали совместный экзамен на приличных родственников.

— Сергей будет участвовать в расходах? — спросил Вадим.

— Будет. Я не знаю, сколько.

— Нам нужно решить свой предел. До обсуждения с детьми.

Я отломил край пирожка.

— Они не требуют ничего лишнего.

— Еще бы. Лишнее всегда очень нужное, когда выбираешь первый раз.

Сказал он это спокойно, но мне послышалось, что мою дочь уже считают расточительной.

— Я сама решу, сколько могу дать дочери.

— Конечно.

Он отодвинул пустую бумагу. Я ждала объяснений, уточнений, фразы «вы меня неправильно поняли». Вместо этого он спросил, что я изучаю.

Я рассказала про курс. Про небольшие мастерские, которым не нужен штатный бухгалтер. Я знала такую работу, хотела брать ее сама и перестать уговаривать начальника дать мне отгул ради каждого собственного дела. Рассказала подробнее, чем собиралась. Вадим слушал, поглядывая на мои пальцы, которыми я непроизвольно выравнивала край пакета.

— Вам нравится порядок, — сказал он.

— Если он настоящий.

— Это какой?

Я задумалась.

— Когда все понимают, что происходит. А не когда я одна знаю, где лежит квитанция.

Он кивнул так серьезно, что мне захотелось перевести разговор на стулья.

На обратном пути Вадим притормозил перед поворотом к издательству.

— Вам домой или все-таки учиться?

— Учиться.

Он остановился у нужной двери. Я выбралась, держа пакеты и сумку, и уронила ручку. Вадим поднял ее раньше, чем я успела нагнуться. На секунду мы оба взяли за холодный пластмассовый корпус.

— Спасибо за дорогу, — сказала я.

— Спасибо за компанию.

Я отняла ручку, будто она была причиной задержки.

В пустом кабинете включила компьютер. В тетради появилась дата, потом две страницы конспекта. Иногда я переставала слышать преподавателя, вспоминая, как Вадим осторожно откусил пирожок и как ему это не помогло. Приходилось отматывать запись назад.

В тот день я впервые досмотрела занятие до конца.

Глава 4. Среда принадлежит мне

В среду Марк Павлович принес ко мне в кабинет конверт. Стоя у двери, он уже поглядывал на часы.

— Тамарочка, сегодня немного задержимся. Типография прислала уточнение.

На часах было половина шестого. В шесть начиналось занятие.

— Я могу посмотреть завтра утром.

Он опустил конверт не сразу.

— Мы ведь всегда такие вещи закрывали день в день.

— Раньше я не училась по средам.

Лида за соседним столом перестала печатать. От этого маленького молчания у меня вспыхнули уши. Я приготовилась объяснять стоимость курса, дату экзамена, важность дополнительного образования. Марк Павлович вздохнул.

— Ладно. Если совсем никак.

Я чуть не сказала: «Ну, если срочно...» — и прикусила язык. Сохранила файл и стала собирать сумку. Конверт остался у него в руке.

В коридоре позвонила Аня.

— Мам, можешь забрать меня из мастерской? Кирилл задерживается, а у меня коробка стекол для проб.

Я остановилась. Перед глазами сразу возникла дочь у автобусной остановки: желтый свитер, тяжелая коробка, мелкий дождь. В этом мысленном изображении ей было почему-то лет двенадцать.

— Не могу. У меня занятие.

— А, точно. Забыла. Тогда машину вызову.

Она сказала это спокойно. Я стояла с телефоном у уха, ожидая обиды, которой не последовало.

До дома добралась за двенадцать минут. Подключилась к уроку за три минуты до начала, поставила рядом чай. Чай остыл, зато я впервые задала вопрос преподавателю. Собственный голос в наушниках прозвучал ниже привычного, немного грубо. Я даже проверила, не включился ли чужой микрофон.

После занятия Аня прислала фотографию: коробка на заднем сиденье такси, пристегнутая ремнем. «Доехала. Не переживай».

Я смотрела на стекла, упакованные в бумагу, и улыбалась. Потом набрала Вадиму сообщение о площадках: вторая отпадает, первая пока остается. В конце приписала про пирожки — дочери понравились. Стерла. Написала снова.

Он ответил через полчаса: «Кирилл съел два. Мне оставил пакет».

Я набрала: «Молодость».

«Плохое воспитание».

На этом можно было закончить. Я положила телефон экраном вниз, открыла холодильник, закрыла. Есть хотелось, готовить — нет. В морозилке нашлись пельмени. Пока вода закипала, телефон завибрировал.

«У вас есть пять минут поговорить? Про фотографа».

Фотографа мы обсудили быстро. Его звали Юра, он снимал свадьбу сына Вадимова коллеги и не просил молодоженов изображать восторг возле каждого дерева.

— По-моему, существенное достоинство, — сказал Вадим.

— Я на свадебных фотографиях всегда похожа на человека, который знает, сколько это стоит.

— А сейчас вы какая?

Я посмотрела на свое отражение в темном окне: домашняя футболка, заколотые карандашом волосы, в руке шумовка.

— Варю пельмени.

— Это я понял. Они у вас уже полторы минуты просят наружу.

Я засмеялась и выключила плиту. Мы проговорили еще двадцать минут. Вадим рассказал о молодом сварщике, который принес собаку в кабинет ремонтной службы: после операции ее пока нельзя было оставлять одну. Оказалось, спор о санитарных правилах в конце концов разрешился под его столом. Он сердился, что его не предупредили, и тут же стал рассказывать, как пес выковыривает мясо, а кашу оставляет. Я спросила, кто приносит кашу.

— Не поверите, — сказал он, и мы оба засмеялись.

Когда разговор закончился, пельмени слиплись. Я съела их такими. Телефон лежал рядом, и мне было приятно, что он молчит: можно было не отвечать, не подбирать слов, а просто помнить, что со мной разговаривали.

Перед сном пришло сообщение от Сергея. Он перечислил свою долю свадебного бюджета и написал: «На большее сейчас не рассчитывайте».

Я хотела сразу переслать его Ане. Мы после развода привыкли обсуждать такие сообщения вдвоем. Она говорила, что отец всегда был таким, я возражала, потом приводила новый пример, и нам становилось легче на десять минут.

Но дочь прислала фотографию коробки и ушла жить свой вечер.

Я написала Сергею: «Получила. Спасибо». Сумму внесла в таблицу. Ане сообщила только, что платеж пришел.

Она ответила сердечком. Я выключила телефон и оставила посуду до утра.

Глава 5. Что мы оплачиваем

В воскресенье все собрались у меня. Я разложила на столе варианты меню, Аня принесла маленький торт, Кирилл — клубнику, которая еще ничем не пахла. Сергей опоздал на двадцать минут и сел на свой прежний стул.

Я задержалась с чашкой в руке. Вадим молча отодвинул соседний стул, пропуская меня к чайнику.

— Тебе чай? — спросила я бывшего мужа.

— Если есть кофе.

— Растворимый.

Сергей поднял глаза, словно только теперь вспомнил кофемашину. Аня поспешила разрезать торт. Кирилл рассказывал, что после свадьбы они смогут снять квартиру поближе к его работе. Я посмотрела на дочь: музей находился на другом берегу, дорога от нового района занимала бы час.

— Мы еще не решили, — сказала Аня.

— Ну, сначала аренда, потом своя. Надо же с чего-то начинать.

Вадим спросил цену. Кирилл назвал ее, и оба отца сразу стали обсуждать первоначальный взнос. В эту минуту они были удивительно похожи: оба уже считали проценты, хотя Аня еще не успела ответить, где хочет жить.

— У нас сейчас свадьба, — сказала я. — Давайте сначала с ней.

Мы договорились о пределах. Моя доля, Сергея, Вадима, небольшие накопления молодых. Ольга, мать Кирилла, собиралась приехать из Ярославля и отдельно купить сыну костюм. Оставшуюся оплату курса я исключила из свадебного бюджета еще дома. От этого казалось, будто я спрятала деньги от ребенка.

— А ты уверена, что потянешь? — спросил Сергей.

— Да.

— Просто я знаю, как ты потом начинаешь нервничать.

Я вдавила колпачок в ручку. Аня с Кириллом смотрели в телефон. Вадим разглядывал пустую чашку.

— Тогда общий предел вот такой, — сказала я. — Все, что сверх, ребята оплачивают сами либо убирают.

На удивление, никто не умер от разочарования.

После чая Кирилл утащил Аню смотреть присланную ему схему будущей кухни. Сергей встал у окна.

— Ты изменилась, — сказал он.

Я не успела понять, похвала это или замечание.

— Постриглась?

— Нет.

— Понятно.

Вот и поговорили. Когда он ушел, я собрала чашки и обнаружила на столе две нетронутые ягоды клубники. Вадим мыл нож у раковины.

— Вам не нужно, — сказала я.

— Согласен. Нужно было вымыть двадцать минут назад, пока не засох.

Я встала рядом. Кухня была маленькая. Его локоть задевал рукав моей блузки. Мы оба старались не придавать этому значения и оттого двигались неестественно осторожно.

— Вы могли возразить, — сказала я.

— Когда?

— Сергею. Про нервы.

Он положил нож на полотенце.

— Вы сами ответили. Я решил, что вмешательство вам не понравится.

Я вспомнила пекарню. Пожалуй, он был прав. Но какая-то некрасивая часть меня все равно хотела, чтобы новый мужчина увидел, как плохо меня понимал прежний, и публично вступился. И сразу стало неловко: стоило ему промолчать, как я уже решила, каким должен быть его ответ.

— Спасибо, — сказала я. — За нож.

Вадим улыбнулся.

Из комнаты донесся Анин голос:

— Я тебе сказала: это не только твое решение.

Мы оба замерли. Следом Кирилл негромко ответил, и они снова заговорили о мебели. Я достала контейнер, сложила куски торта молодым с собой. Пожалуй, слишком старательно выбирала самые большие.

Уже в прихожей Вадим спросил:

— Хотите в четверг на концерт? Я не ручаюсь, что нам понравится.

— А что играют?

— Музыку из фильмов. Мой приятель играет в оркестре. Говорит, будет прекрасно.

Поэтому я насторожился.

Он смотрел прямо. На вешалке за его плечом качалась Анина куртка. Я могла понять вопрос по-разному, но почему-то выбрала самое безопасное.

— Детей тоже зовете?

— Нет, Тамара. Только вас.

Из комнаты вышла дочь с контейнером. Вадим отступил, пропуская ее. Я сказала, что отвечу завтра.

Глава 6. На два билета

Утром я выбрала привычный путь и пожаловалась Рите.

— Он отец Кирилла.

— Плохой человек?

— Я его не знаю.

— Поэтому обычно сначала куда-нибудь идут.

Рита выслушала мои рассуждения про детей, родственников и репутацию. На последних словах она перестала что-то перекладывать у себя в салоне.

— Тамар, ты месяц за меня решала, какая стрижка мне пойдет, а теперь с мужчиной чаю боишься выпить?

— Не чаю. Он отец Кирилла.

— Помню. Ты уже сказала.

— Я не готова.

— Тогда так и скажи. Только мне кажется, тебе хочется пойти. А решать тебе.

Я написала Вадиму в обед: «На концерт пойду. Но я сейчас не хочу новых отношений».

Ответ долго не появлялся. Пока я ждала, фраза стала выглядеть самонадеянной. Может, ему всего лишь не с кем пойти. Может, это он хотел предупредить меня, что никаких отношений не будет.

«Принял. У входа в семь?»

Я не поняла, обиделась на лаконичность или обрадовалась ей.

В четверг надела серые брюки и зеленую блузку. Синее платье осталось висеть в шкафу: я не хотела, чтобы один наряд сразу отвечал за свадьбу и свидание, которого у нас не было.

Вадим ждал у дома культуры. В руке у него были два бумажных билета. Я отдала половину стоимости, он взял без возражений. Это меня успокоило сильнее любого заверения.

Оркестр играл музыку из старых фильмов. На третьей композиции у контрабасиста лопнула струна. Вадим наклонился ко мне:

— Вот его и знаю.

Вадим тут же перестал улыбаться и подался вперед, глядя на сцену. Контрабасист поднял руку: мол, справлюсь. Я улыбнулась Вадиму, он выдохнул. На следующей мелодии мы оба слушали особенно внимательно.

После концерта приятель вышел поздороваться. Невысокий, в жилете, с очень уставшими глазами. Вадим подхватил у него футляр и донес до служебной двери. Они о чем-то коротко поспорили, потом обнялись. Я смотрела, как свободно Вадим смеется со старым другом: плечи опущены, руки уже не ищут себе дела. С детьми он был совсем другой.

— Познакомишь? — спросил контрабасист.

— Тамара. Мы вместе пришли.

Мне понравилось, что Вадим не сказал «мать будущей невестки». Я могла побыть человеком, который пришел слушать музыку, а не степенью родства.

До реки мы дошли пешком. Вадим оставил машину у дома. На набережной еще не открыли летнее кафе, и мы купили чай в бумажных стаканах. Я сняла крышку: терпеть не могла пить через маленькую дырочку.

— Можно спросить про развод? — сказал он.

— Можно. Отвечать не обещаю.

— Кто-нибудь его заметил? Кроме вас двоих.

Я посмотрела на него. Внизу, у причала, женщина фотографировала пустую прогулочную лодку.

— Что вы имеете в виду?

— Когда я ушел от Ольги, у меня первое время ничего не изменилось. Работа, сын, субботние покупки. Я даже к ней приезжал чинить все то же самое. Она однажды спросила: «Ты от меня ушел или просто переехал?»

Я покрутила стакан.

— Сергей до сих пор спрашивает у меня, где его документы.

— Вы отвечаете?

— Да.

— Я тоже приезжал.

Он сказал это без назидания. Я вдруг смогла рассказать о шкафе. Не о причинах развода, а о том, как оставила вещи на прежних местах, потому что иначе пришлось бы заново решать, где удобнее. Вадим слушал, и мне постепенно становилось смешно: взрослый человек пытается устроить новую жизнь, но не может переставить полотенца.

— А у вас что осталось? — спросила я.

— Привычка звонить, когда задерживаюсь. Полгода смотрел на телефон и не понимал, кому сообщать.

Мы дошли до моего дома. Вадим остановился у подъезда. Я знала, что сейчас нужно произнести что-нибудь легкое, чтобы вечер благополучно закончился.

— Мне было хорошо, — сказала я вместо этого.

— Мне тоже.

Он не приближался. Я держала ключ между пальцами, острым краем к ладони. Потом сама коснулась его рукава.

— Я правда не готова быстро.

— Тогда без спешки. Я могу опять позвать, а вы скажете, если не захотите.

Я поднялась на свой этаж и только у двери заметила, что все еще держу программку. Не выбросила. Положила на кухне под сахарницу, чтобы утром она лежала там же.

Глава 7. На расстоянии ладони

После дождей город высох за два дня. Пыль легла на листья, у реки поставили столы, люди стали ходить медленнее. Вадим позвал меня на прогулку в субботу.

— Вы помните, что я сказала про отношения? — спросила я по телефону.

— Помню.

— Развод не повод для свидания.

Я произнесла это почти весело, чтобы он не услышал, как я волнуюсь. Вадим помолчал, потом уточнил:

— А погулять вам хочется?

Хотелось. Я согласилась, не спросив, куда именно.

Он показал маленький сквер за старым вокзалом. В центре стоял фонтан без воды, зато под тополями было тихо. Мы сели на низкую ограду. От нагретого камня становилось тепло через ткань брюк.

— Здесь Кирилл учился ездить на велосипеде, — сказал Вадим. — Прямо в тот куст.

— Аня в восемь лет врезалась в припаркованную машину. Я сперва ее обняла, потом стала искать хозяина. Она так оскорбилась, что пять лет вспоминала.

— Ущерб большой?

— Машина была наша.

Вадим рассмеялся, запрокинув голову. На шее у него проступил маленький шрам. Я поймала себя на том, что хочу узнать, откуда он, но не хочу превращать это в вопрос. Просто провести пальцем.

Он заметил мой взгляд. Смех постепенно сошел с его лица.

— Тамара.

— Да?

— Можно я вас поцелую?

Я хотела, чтобы он придвинулся, и все равно помедлила с ответом.

— Если мы уже обсуждаем это так подробно, — сказала я, — наверное, можно на ты.

Он приблизился медленно. Я почувствовала его ладонь у своего локтя, сухую, теплую. Поцелуй был коротким; он отстранился прежде, чем я успела испугаться. От этого захотелось вернуть его обратно.

Во второй раз я уже не сидела прямо. Придвинулась, уперлась рукой в шероховатый камень. Где-то хлопнула автомобильная дверь. Я слышала, как за моей спиной дворник скребет дорожку, и почему-то запомнила именно этот звук.

Когда мы отошли друг от друга, Вадим провел большим пальцем по уголку рта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.